

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.161.1'42+821.161.1-9(Булгаков М. А.)
 ББК Ш141.12-51+ШЗ3(2Рос=Рус)6-8,4

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.29

Код ВАК 5.9.9; 5.9.1

Наталья Борисовна Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, verbalis@mail.ru, SPIN-код: 9753-5994

Идиостиль автора-публициста (на материале ранних произведений М. Булгакова)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена феномену идиостиля в публицистическом дискурсе. С точки зрения автора статьи, проявления идиостиля в СМИ советской эпохи сдерживались целым рядом внешних и внутренних ограничений, препятствующих самовыражению публициста. Это экстралингвистические препятствия (цензура и идеологическая составляющая), а также система дискурсивных, концептуальных и стилистических ограничений. Модель публицистического идиостиля имеет оппозитивный характер. В ее основе лежит целый ряд противопоставлений: объективность — субъективность, конвенциональность — индивидуальность, императивность — свобода, стереотипность — креативность, фон — фигура, традиции — новизна, языковой стандарт — слог, индивидуальная манера изложения, норма — отклонения от нормы, идеал пользования языком — отклонения от идеала, однопавленность — разнонаправленность стилистических ориентаций, а также единичность употребления того или иного языкового средства и его повторяемость (регулярность, сквозной характер). Отталкиваясь от оппозиции «императивность — свобода», автор статьи трактует идиостиль автора-публициста как индивидуальный, субъективизированный способ текстообразования, детерминирующий создание формы, максимально свободной относительно выбора темы, внешней оценки и идеала пользования языком. Идиостиль характеризует повторяющаяся совокупность однотипных способов и средств текстообразования. Предложенная в статье методика выявления идиостилевых особенностей публицистического текста создана на материале фельетонов, заметок и статей М. Булгакова 1919–1926 годов — периода, допускающего достаточно высокую свободу авторского самовыражения. Методика предполагает большой объем публицистического материала, минимальные внутренние и внешние ограничения для текстообразования, множественность однотипных средств текстообразования, их высокую регулярность в индивидуальном дискурсе автора-публициста. Методика учитывает также специфические способы порождения текста (номинации субъекта, лексическую сочетаемость, систему выразительных средств языка, окказиональные образования и аббревиатуры, намеренные деформации кодифицированной формы слова, средства выражения оценочных значений, особенности использования текстовых категорий), а также не прямые способы подачи информации, релевантные для восприятия текста (подтекст, намек, импликация). В целом при характеристике идиостиля автора-публициста можно опираться на инвариантные признаки, которые соотносятся с жанровой моделью текста, включающей план содержания, план выражения и план восприятия. В свою очередь, вариативные признаки достаточно разнообразны и зависят как от собственно лингвистических, так и от целого ряда экстралингвистических факторов текстообразования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, публицистика, публицистический дискурс, публицистические тексты, русский язык, М. А. Булгаков, публицистический идиостиль, признаки идиостиля, методика анализа идиостиля, текстообразование.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, email: verbalis@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Руженцева, Н. Б. Идиостиль автора-публициста (на материале ранних произведений М. Булгакова) / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 35-43.

Natal'ya B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, verbalis@mail.ru, SPIN code: 9753-5994

The Idiostyle of an Author-Publicist (Based on the Material of M. Bulgakov's Early Works)

ABSTRACT. The article deals with the phenomenon of idiostyle in journalistic discourse. From the point of view of the author of the article, the manifestations of idiostyle in the media of the Soviet era were controlled by a number of external and internal restrictions that hindered the self-expression of the author-publicist. Those restrictions included extralinguistic obstacles (censorship and ideological component), as well as a system of discursive, conceptual and stylistic constraints. The model of journalistic idiostyle has an oppositional character. It is based on a number of oppositions: objectivity – subjectivity, conventionality – individuality, imperativeness – freedom, stereotypicality – creativity, background – figure, tradition – novelty, linguistic standard – style, individual manner of presentation, norm – deviations from the norm, ideal language use – deviations from this ideal, unidirectionality – multidirectionality of stylistic orientations, as well as unique use of a particular language form versus its repeatability (regularity and reiteration). Drawing on the opposition “imperativeness – freedom”,

the author of the article interprets the idiostyle of the author-publicist as an individual, subjectivized way of text formation, determining the creation of a form that is absolutely free in the choice of the topic, external assessment and an ideal of language use. The idiostyle is characterized by a repetitive repertoire of similar methods and means of text formation. The method of identifying individual stylistic features of a journalistic text suggested in this article is based on the material of feuilletons, notes and articles by M. Bulgakov published over the period of 1919-1926 – a time period allowing for a fairly high degree of freedom of artistic expression. This method presupposes a large volume of journalistic material, minimal internal and external restrictions on text formation, a multiplicity of similar means of text formation, and their high regularity in the individual discourse of the author-publicist. The method also takes into account specific ways of text formation (subject nomination, lexical combinability, system of expressive means of language, occasional formations and abbreviations, intentional deformations of the codified form of the word, means of expressing evaluative meanings, and specific features of the use of text categories), as well as indirect ways of presenting information relevant to the perception of the text (subtext, hint, implicatures). In general, when characterizing the idiostyle of an author-publicist, one can rely on invariant features that correspond to the genre model of the text, which includes the plane of content, the plane of expression and the plane of perception. In turn, the variable features are quite diverse and depend on both linguistic proper and a whole number of extralinguistic factors of text formation.

KEYWORDS: Russian literature, Russian writers, literary creative activity, literary genres, journalism, journalistic discourse, journalistic texts, Russian language, M.A. Bulgakov, journalistic idiostyle, typical features of idiostyle, methods of idiostyle analysis, text formation.

AUTHOR'S INFORMATION: Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Ruzhentseva N. B. (2026). The Idiostyle of an Author-Publicist (Based on the Material of M. Bulgakov's Early Works). In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 35-43. (In Russ.).

Феномен идиостиля максимально ярко проявляется в тех сферах коммуникации, где минимизировано внешнее давление и тем самым созданы условия для свободного проявления творческой индивидуальности производителя речи. Это: 1) устная разговорная речь; 2) ораторские выступления (развлекательная речь, экспромты, импровизации); 3) письменная речь (свободные жанры, эссеистика); 4) интернет-дискурс (до появления ИИ, который активно способствует компиляциям, штампованности, клишированности, однотипности сюжетов и стилистических решений огромного массива текстов). В свою очередь, на материале ранних произведений М. Булгакова мы попытались исследовать феномен идиостиля в публицистике 1919–1927 годов — времени, когда были живы дореволюционные традиции журналистики, но требования открытой партийности и социально-классовой оценочности газетного текста еще не сформировались. Сказанное детерминировало максимальную для того времени свободу выражения мысли у публицистов и возможность для ученых-филологов исследовать идиостиль на материале произведений одного из самых блестящих российских авторов XX в.

Вопросы идиостиля художественного и публицистического текста давно привлекают

внимание исследователей [Богин 1997; Григорьев 1983; Золян 1989; Какорина 1996; Макович 2004; Мерлин 1986; Пищальникова 1992; Солганик 1990; Тарасова 2004; Чернышева 2007¹; Шаповал 1999²; Щукин 1978³; Эпштейн 1988 и др.]. Изучение идиостиля художественного текста начато еще Ю. Тыняновым [см., например: Тынянов 1977; Тынянов, Якобсон 1928]. Однако большая часть российских исследований идиостилевой специфики публицистического текста относится к последней четверти XX в. и началу XXI в. именно потому, что на становление и развитие идиостиля в советскую эпоху влиял целый ряд сдерживающих факторов — ограничений, препятствующих самовыражению автора. Они включают:

1. Экстралингвистические ограничения: цензура и идеологическая составляющая СМИ.

Об идиостиле автора-публициста стали говорить с конца 80-х г. XX в. именно в связи с отменой цензуры. До этого времени исследователи отмечали единство публицистических текстов, восходящее к идеологическим установкам, несмотря на тематическую дифференциацию изданий, ср. мнение А. Н. Васильевой: «И в то же время язык советской газеты в целом един, а языковая специфика (лексика, словосочетания) и специфика сти-

¹ Чернышева Т. А. Идиостиль в газетно-публицистическом дискурсе: на материале газеты «Известия» : автореф. дис. ... канд филол. наук. 2007.

² Шаповал В. В. Имидж автора в публицистике (роль сленговых и иных заимствований, маркированных как «чужое слово»). 1999. URL: <http://www.philology.ru/marginalia/shapoval20.htm>.

³ Щукин В. Г. Лингвистические аспекты проблемы идиолекта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1978. 18 с.

листической манеры в каждой газете имеют частный характер, не разрушающий этого единства. Это единство корнями уходит в содержательное единство, в морально-политическое единство общества и непосредственно связано с такими существенными сторонами газеты, как:

- отбор общественно актуального из бесконечного разнообразия жизненной информации;
- установка на выявление прогрессивных тенденций в развитии жизни общества;
- направленность на активное утверждение прогрессивного в сознании и действиях масс» [Васильева 1982: 18].

По этому же поводу В. Г. Костомаров писал: «Тоталитаризм и авторитарность создавали видимость некоей однозначности и чистоты, в которой нетерпимыми признавались любые отклонения от нормы» [Костомаров 1999: 39].

В свою очередь, А. Н. Васильева выделяет два основных принципа (тенденции), детерминирующих проявления языкового стандарта в советских СМИ.

Первый принцип — это широкое использование в газетах элементов научной речи, что обусловлено «быстрым повышением культурного уровня и социальной активности широких народных масс»: «Современный массовый читатель привычен к строю книжно-аналитической речи, и она все более свободно и естественно вступает на страницы газет. В газете происходят общеязыковые адаптации значительной части ранее узкотерминологической лексики и словосочетаний» [Васильева 1982: 11].

Второй принцип определяется «сочетанием разных стилей — при их частичной нейтрализации и одновременно при частичном сохранении исконной стилистической окраски... Общественно-обиходная речь составляет основной полунейтральный фон газетно-публицистического стиля» [Там же].

Таким образом, согласно А. Н. Васильевой, основой газетно-публицистического стиля газетной эпохи является стандарт, сформировавшийся на базе частичного полистилизма с актуализацией (в зависимости от авторской интенции) отдельных элементов книжных стилей или обиходной речи.

2. Дискурсивные ограничения: давление дискурса, уменьшающее стремление автора к самовыражению (авторизации дискурса), ограничение свободы пишущего, ср.:

«Субъект в современной массовой коммуникации не просто функционален — он

выступает как личность со всеми особенностями ее менталитета, причем в структуре его целей все большую роль начинает играть стремление к самовыражению. Авторизация газетного дискурса неразрывно связана с тремя видами „свобод“, завоеванных прессой: тематической свободой (возможностью избрания в качестве предмета описания или оценки любого фрагмента действительности), прагматической свободой (отсутствие внешней обусловленности оценки), стилевой свободой (преобладание в тексте слога над стандартом» [Платонова, Виноградов 1996: 256].

Следует заметить, что максимально возможную свободу самовыражения имели в 80-е гг. XX в. лишь отдельные издания, и прежде всего — «Литературная газета», ср.: «В середине 80-х годов „Литературная газета“ была трибуной советской интеллигенции и местом выражения допустимо свободных идей, мнений и дискуссий, своеобразным советским Гайд-парком. Это было возможно потому, что „Литературная газета“ не являлась органом ЦК КПСС, а находилась в достаточно условном подчинении Союзу писателей СССР. Уровень ведения и качество дискуссий, опубликованных в „Литературной газете“, заслуживает особого внимания... Еще одним отличительным признаком „Литературной газеты“ от других изданий было то, что корреспонденты не только брались за освещение самых острых и актуальных тем как в политической, так и в социальной жизни, но и не боялись давать им собственную оценку, которая так и не совпадала с общепринятой. Это было возможно благодаря высокому уровню образования и культуры корреспондентов и сотрудников редакции»¹. Но другим изданиям была недоступна даже та степень авторизации газетного дискурса, которая была в те годы у «Литературной газеты».

3. Концептуальные ограничения.

Концептуальные ограничения предполагают влияние на текстовый материал концепции издания, включающей идеологию издания, тип издания, тематику, содержание, структуру издания и ряд других параметров [Коньков 2007: 19].

4. Стилистические ограничения.

Они предполагают учет жанровой модели издания, структурных признаков и стиля издания, особенностей заголовочного комплекса, а также системы используемых экспрессивных средств [Там же: 19]. Что касается языка советской газеты, то «в целом

¹ Чаковская А. Э. Либеральные тенденции в эпоху застоя 1980–1985 гг.: на материале «Литературной газеты»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 3–4.

советский период характеризуется закреплением языковых и речевых норм, которые приобретают незыблемый, догматический характер, охватывают практически все сферы языковой жизни. В газетах это ведет к шаблонизации языка и речи, к господству книжной речи в ущерб разговорной, к преобладанию официоза» [Солганик 2008-а: 472]

Кроме того, ограничивающим фактором проявления авторской индивидуальности может быть феномен языкового вкуса, в известной степени влияющего на формирование единой творческой манеры у целого ряда авторов, ср.: «Вкус отражает в своем развитии динамику общественного сознания и объединяет членов данного общества на данном этапе (недаром говорят о вкусах общества и эпохи)... Таким образом, вкус — это, в сущности, меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» [Костомаров 1999: 30–32]. Можно утверждать, что до конца 80-х гг. языковой вкус определяли «глобальная идеологизированность идей, а не только партийной прессы; ориентация на формирование единого и цельного мировоззрения как на необходимый и наиболее важный результат деятельности органов печати; главенствующее положение особого типа оценочности, при котором оценочные знаки симметрично распределяются по идеологическим объектам („наше“ — „+“, „не наше“ — „-“»)» [Платонова, Виноградов 1998], в связи с чем проявления индивидуальности автора-журналиста были в значительной степени ограничены.

Увеличение идиостилевых проявлений в публицистике в 90-е гг. XX в. связано с понятием «языковая мода», предполагающим минимизацию внешних ограничений: «Мода есть крайнее проявление вкуса, более индивидуальное, быстро преходящее, бросающееся в глаза и обычно вызывающее раздражение у старшей и консервативной части общества... В 90-е годы предполагается мода на индивидуальность, непохожесть, нестандартность, соответственно и на продолжение смещения несоразмерного, какофония, вплоть до увеличения абсурда» [Костомаров 1999: 43–36].

Сказанное дает основания утверждать, что идиостиль в наибольшей степени проявляется при отсутствии или минимальном количестве **сдерживающих творческую индивидуальность факторов.**

Как следствие, в основе модели публицистического идиостиля лежит целый ряд противопоставлений (первый член оппози-

ции маркирует сдерживающие факторы, а второй — уход от них):

1. **Объективность — субъективность**, проявляющиеся, например, в характере повествования о той или иной ситуации (обобщенно-объективное восприятие — субъективизированное восприятие ситуации героем текста): «Человек социальный в структуре категории автора обязательно предполагает анализ социальных проблем, объективно-субъективное отношение к действительности... Человек частный в структуре категории автора предполагает соответственно анализ с позиций частного человека, субъективно-объективное отношение к действительности...» [Солганик 2008б: 460–461].

2. **Конвенциональность** (например, требования к отдельным текстам) — **индивидуальность** творческой манеры, ср. мнение Т. А. Чернышевой о текстах политического дискурса: «Конвенциональность, на основе которой можно сделать вывод о проявлениях индивидуальности, представлена институциональным дискурсом, программными константами функционального стиля (публицистического), жанровой спецификой»¹.

3. **Императивность** (например, внешние идеологические установки) — **свобода** (уход от внешних установок).

4. **Стереотипность**, шаблонизированность — **творчество**, креативность.

5. **Социальное — частное** (например, автор — «человек социальный — человек частный» [Солганик 2008а: 460].

6. **Инвариантность** (например, параметры, заданные темой, стилем, жанром и другими факторами текстообразования) — **вариативность** (например, авторизованные модификации жанра).

7. **Фон** (например, нейтральный стиль речи, «на котором другие стили речи воспринимаются как маркированные» [Басовская 2005: 50] — **фигура** (эмоционально-экспрессивные, социальные и национальные элементы).

8. **Традиции — новизна.**

9. **Языковой стандарт — слог, индивидуальная манера изложения.**

10. **Норма (узус) — отклонение от нормы** (например, окказиональные элементы, разговорные варианты слов).

11. **Идеал пользования языком — отклонение от идеала.**

12. **Однонаправленность стилистических ориентаций** (например, «рерайт» в газете «Коммерсант», подразумевающий

¹ Чернышева Т. А. Идиостиль в газетно-публицистическом дискурсе: на материале газеты «Известия»: автореф. дис. ... канд филол. наук. 2007.

«специальные усилия, направленные на то, чтобы каждый текст был не только отредактирован, но приведен в соответствие с жесткими структурно-содержательными требованиями» [Коньков 2007: 20] — **стилистическая разнонаправленность** текстов («Экспресс-газета»).

Кроме того, для модели идиостиля очень важен учет такого противопоставления, как **единичность** (употребления того или иного языкового или речевого средства) и его **повторяемость** (регулярность, сквозной характер). Это противопоставление носит двоякий характер: повторяться могут как штампы, клише, идеологемы (проявления языкового вкуса эпохи), так и языковые средства, характерные **именно для данного автора публицистического текста**.

Таким образом, **идиостиль автора публицистического текста — это индивидуальный, субъективизированный способ текстообразования, детерминирующий создание формы, максимально свободной относительно выбора темы, внешней оценки и идеала пользования языком. Идиостиль характеризует повторяющаяся (сквозная, регулярная) совокупность однотипных способов и средств текстообразования.**

Как следствие, обращение к исследованию феномена идиостиля эффективно в тех случаях, когда в наличии есть большой объем материала, развернутый во времени (индивидуальный дискурс автора-публициста), и факторы текстообразования (экстралингвистические и лингвистические), которые обеспечивают **максимальную свободу авторского самовыражения**.

В свою очередь, идиостиль автора художественного произведения складывается под влиянием гораздо большего числа факторов текстообразования, чем идиостиль автора-публициста. Так, индивидуальность самовыражения в художественном творчестве обеспечивают биография художника слова, дружеские и творческие союзы, тип личности писателя или поэта, его психологические особенности и др. Что же касается интернет-дискурса, в котором отражены черты современной разговорной речи, и в том числе просторечные элементы, идиостиль ярче всего проявляется в словотворчестве (ср., например, негативно-оценочные наименования родственников в текстах бытовой направленности: *свекровь — свекобра; маменькин сынок — мамсик, мамозависимый, свекрениш; тесть — тестязавр* и др.).

Одним из способов исследования идиостиля является сопоставление текстов нескольких авторов при наличии общих оснований (конвенции). Так, Т. А. Чернышевой сделана попытка изучения идиостиля М. Соколова, С. Лескова, А. Архангельского, А. Лифшица, С. Новопрудского, выступавших в роли колумнистов в газете «Известия». Объединяющими факторами для этой группы авторов являются: а) одна газета — «Известия» за 2003–2006 гг. (единая идеологическая позиция — центристская); б) единая жанровая форма всех текстов — колонка обозревателя; в) один формат дискурса — политический; г) единый стиль — публицистический; д) наличие единого аксиологического ядра публикаций колумнистов — мысли о «сохранении государственности, апелляции к ценностям общества»; е) общая доминанта идиостиля аргументативного типа. Как следствие, центральной оппозицией, лежащей в основе изучения идиостиля авторов-публицистов, является оппозиция «конвенциональное — индивидуальное»: «С одной стороны — текст определяется рамками политической формации, к которой принадлежит его автор; с другой — текст представляет собой ярко авторизованную модификацию общей мысли»¹. По аналогичному принципу, предполагающему учет конвенционального — индивидуального в сопоставительном ключе, анализируются и публикации других журналистов. Это, например, предпринятая нами попытка выявления идиостилевых особенностей статей Д. Терентьева и А. Чуйкова в «Аргументах недели» [Руженцева 2023] и другие исследования этого же плана.

Без сомнения, сопоставительное изучение идиостилевых особенностей в аспекте конвенции (дискурсивной, идеологической, жанровой и др.), с одной стороны, и проявлений индивидуальности — с другой, является продуктивным способом исследования идиостиля автора-публициста, т. е. того способа выражения мысли, который **характерен, типичен** именно для этого производителя речи. Однако такой способ не учитывает того множества барьеров, которые **конвенции как система ограничителей** накладывают на творческую индивидуальность автора. Поэтому мы отталкиваемся не от оппозиции «конвенциональность — индивидуальность», а от **минимизации внешних и внутренних ограничений**, сдерживающих авторскую индивидуальность (оппозиция «императивность — свобода»).

¹ Чернышева Т. А. Идиостиль в газетно-публицистическом дискурсе: на материале газеты «Известия»: автореф. дис. ... канд филол. наук. 2007.

Сказанное определяет тот факт, что материалом для изучения идиостилевой специфики публицистического текста мы выбрали публикации М. Булгакова начала 20-х гг. XX в. С одной стороны, это время максимальной свободы авторского самовыражения, и прежде всего — по причине неустоявшегося языка газеты: «Первый период в истории языка газеты XX в. (с 1917 г. до конца 1920-х гг.) можно определить как период формирования нового качества, нового облика языка газеты, поиска новых средств выражения, соответствующих задачам времени, выработки новых форм речи. Революция расшатала прежние государственные, идеологические устои и поставила вопрос о том, каким должен быть в новых условиях язык газет...» [Солганик 2008б: 463–464].

Разумеется, М. Булгаков-публицист не был полностью свободен от влияния сдерживающих индивидуальность факторов. В первых, это цензура, под влиянием которой находилось в те годы все литературное творчество, ср.: «Характерен в этом отношении случай, который произошел на вечере у Ангарского. Как обычно в писательской среде, и здесь зашел разговор о цензуре, говорили разное, но чаще всего нападали на нее, говорили о писательской правде и лжи. В разговоре принимали участие В. Вересаев, Н. Никандров, В. Кириллов, Н. Ляшко, В. Львов-Рогачевский... Булгаков знал, что в такой разношерстной аудитории не следует ему выступать и говорить то, что думает о цензуре, но не сдержался и пожаловался на цензуру, которая снимает у него то фельетоны, то целые куски из повестей: так трудно работать, трудно быть самим собой» [Петелин 1995: 32]. Однако цензура в первой половине 20-х гг. не имела всеобщего прескрипционного характера. Характер жесткого императива имели главным образом принципы, которыми «должен был руководствоваться Главлит при запрещении издания или распространения произведений. Это:

- 1) агитация против Советской власти;
- 2) разглашение военной тайны республики;
- 3) возбуждение общественного мнения путем сообщения ложных сведений;
- 4) возбуждение националистического и религиозного фанатизма;
- 5) носящих порнографический характер» [Жирков 2001].

Во-вторых, значительная часть булгаковских фельетонов написана для ведомственных изданий: газет железнодорожников «Гудок» и «Дрезина», газеты «Голос работников просвещения», а также журналов «Железнодорожник», «Медицинский работник»,

поэтому автор был ограничен как тематически, так и объемом и жанровым корпусом газеты. Но цензурные ограничения, перечисленные выше, М. Булгаков периодически обходил, выражая неприятие нового мира косвенным образом. Примером может служить высказывание императора Николая Второго, который приснился кондуктору Хвостикову:

— *Так вот: взять этого сукиного сына и повесить его на багажной веревке на тормозе, — распорядился государь император.*

— *За что же, товарищ император? — спросил Хвостиков, и в голове у него все перевернулось кверху ногами.*

— *А вот за это самое, — бодро ответил государь император, — за профсоюз, за «вставай, проклятьем заклеимленный», за кассу взаимопомощи, за «весь мир насилья мы разроем», за портрет, за «до основанья, а затем»... и за тому подобное прочее. Взять его!» («Гудок», 27 февр. 1925).*

В свою очередь, жанрово-стилистическая свобода автора, которая базируется на идее отбора, сочетания и употребления речевых средств, в публицистике М. Булгакова, по сути, безгранична.

С другой стороны, огромное влияние на публицистику М. Булгакова оказала его творческая индивидуальность, не позволяющая подходить «ко всем явлениям жизни, быта, войны, революции с узкоклассовых, партийных позиций» [Солганик 2008б: 464]. Творческая индивидуальность М. Булгакова определяется его происхождением, биографией, образованием и другими субъективными факторами текстообразования, не позволяющими доминировать «человеку социальному» в типовой структуре образа автора-публициста 20-х гг., ср.: «Обобщенный автор данного периода — это прежде всего человек революционного, классового сознания... Из двух главных граней категории автора (человек социальный — человек частный) преобладает человек социальный, радикальный, воинствующий, непримиримый и беспощадный. Таков идеальный, обобщенный тип автора данного периода» [Солганик 2008б: 463–464].

Однако М. Булгаков как автор — это «человек частный»: «Человек частный в структуре категории автора предполагает соответственно анализ с позиций частного человека, субъективно-объективное отношение к действительности, что отражается в речи обычно в высокой авторской модельности, преобладании Я-предложений и т. д.» [Солганик 2008б: 461].

Материалом исследования идиостиля М. Булгакова-публициста являются тексты, написанные и опубликованные в газетах,

журналах и альманахах с 1919 по 1927 г. Это газеты «Грозный», «Кавказская газета», «Коммунист», «Рабочий», «Литературная газета», «Литературное приложение», «Бакинский рабочий», «Иллюстрации „Петроградской правды“», «Голос работников просвещения», «Дрезина», «Вечерняя Москва», «Неделя», «Красная газета», «Заря Востока», но главное — широко известные газеты «Накануне» и «Гудок», а также журналы «Рупор», «Заноза», «Россия», «Железнодорожник», «Красный перец», «Красная нива», «Красный журнал для всех», «Красная панорама», «Медицинский работник», «Журналист» и альманахи «Возрождение», «Бузотер», «Смехач» и «Недра». Это более 150 текстов (повестей, рассказов, фельетонов, очерков, зарисовок), объединенных впоследствии в Собрании сочинений М. Булгакова в 1–3 томах из десяти (М.: Изд-во «Голос», 1995; составление, предисловие, подготовка текстов В. Петелина). В отдельных случаях привлекался материал повестей М. А. Булгакова «Роковые яйца» и «Собачье сердце» и романа «Белая гвардия», так как эти произведения создавались примерно в то же время и испытали на себе большое влияние индивидуальной манеры письма Булгакова-публициста. Представим нашу методику анализа идиостиля на материале этих текстов. Она предполагает:

1. Большой объем публицистического материала (как минимум, несколько десятков текстов).

2. Наличие совокупности произведений, написанных автором при минимальных внешних и внутренних ограничениях (давление экстралингвистических идеологических факторов, давление публицистического дискурса, давление концепции издания и др.).

3. Множественность однотипных средств текстообразования в рамках избранного материала.

4. Высокую регулярность ряда однотипных средств текстообразования в индивидуальном дискурсе, развернутом во времени. Это могут быть специфические способы порождения текста:

- способы номинации субъекта, от имени которого идет речь;
- способы именования лица;
- особенности лексической сочетаемости;
- сравнения, метафоры, метонимические переносы (и другие выразительные средства языка);
- окказионализмы и аббревиатуры;
- намеренные деформации кодифицированной формы слова;
- средства выражения оценочных значений, специфика интенсификаторов;

– особенности текстообразования (фразеологизация речи, стилизации, аллюзийность, тип пафоса (иронический и др.), оппозитивность;

– особенности репрезентации текстовых категорий (модальности, тональности, определенности/неопределенности, абсурда и др.), а также

– особенности восприятия текста (подтекст, намеки, конвенции, имплицатуры) и приемы создания образа.

Мы сознательно не обращаемся к такому характерному идиостилевому признаку публицистики М. Булгакова, как театрализация повествования. Это требует особой методики анализа диалогической речи, множественно представленной в его фельетонах и заметках и требующей сопоставления с речью героев драматических произведений, что является перспективой нашего исследования языка и стиля великого русского писателя.

Ограниченный объем статьи не позволяет нам привести все (или большую часть) указанных речевых средств, маркирующих стиль Булгакова-публициста. В качестве такого маркера приведем лишь намеренные деформации кодифицированной формы слова и их функции в булгаковских текстах.

Намеренные деформации кодифицированной, нормативной формы русского слова встречаются в большинстве указанных публикаций М. Булгакова и вводятся в текст:

а) **для речевой характеристики персонажа** — человека из народа или группы лиц: *увольниться (в цирк), дери-жер, беривтон (баритон), заскочуть с хлангу (фланга), порцигар, ланпы, инпиратор, использовывають, они скрымшись (скрывшись), граждане; кипиратив, пахаронють, просю, как не жил на свете, Ордер пожалте; У нас и Небели-то нету; Испоатация труда; А как **обзаботиться** топить — их нету!; Триллионы называл **триллиардаму**; **Ак-казия**, — пробормотал некий, озлобленно почесывая левую бровь; В воскресенье — чистый срам, **голье**, ну, в чем мать родила, по всей реке лежат. Только вот — **дожжик!** В трамвай на скаку сиганул. На 50 лимонов **штрахують**; По-нашему, если отчетность на год отстала — **пустяки!** А **поихнему** — преступление; **Вишь**, у ей бельмо, как блин; И я **голоснул** с речью, как **сознательный человек, стоящий на позициях культурработы**; **Батюшки? Откуда ж зайтить-то?**; **Запротоколить четырех злоумышленников**; **Вы даром бремените землю**; **Что же таперича делать?** — спросил председатель; **Ишь, трудно ему докладать. Хучь плачь! Фициально ответил; не все собрамшись; Они у меня по-***

ездиют! Выдать ему одно место в сартире второго класса до Тамбова;

б) для стилизации речи неносителей русского языка: *По иному пути пайдем! Не нады нам больше этой парнографии: «Горе от ума» и «Ревизора». Гоголи. Моголи. Свои пьесы сачиним; Скидай сапоги, кажу тебе! И если ты не поморозие, так я тебе росстриляю...; Сыняя дывызья! Покажи себя! — как колотушка, стукнул голос полковника Мащенко; Хлеб... пусти вагон... Карасни... Китай-са...;*

в) для создания комического эффекта: *Угрызаемый хвост; Производство «Сандаль». Вероятно, сандалий; Лучше бы я ромовой бабки купила. На, зеленые; Вы скандалистка, вам надо валерьянкины капли пить!; Ладно, бывают алистократы, с портфелями карманы вырезают;*

г) для имитации детской речи: *Конфету какую хочешь, такую и бери. — Вот я эту большую хоцу.*

Отступления от нормативной речи могут лежать и в основе текстовых фрагментов, ср.:

- *Кондукторша на остановках кричит: «Местов нету!» Кондуктор влез — ужаснулся, говорю, извините, никакого правонарушения нету. Запложено — и ездим («Площадь на колесах». Журнал «Заноза». 1924, № 9).*

- *Кличут вас, — объяснила Дунька, — идите скорейча, ждуть!*

— *Которые ждуть? — беспокожно осведомился Опишков.*

— *Собрание... Народу собрамшись видимо-невидимо...*

— *Чай-то пить будешь? — спросила супруга.*

— *А, не до чаю мне, — забубнил Опишков, надевая штаны, — масса ждет, чтобы ей ни дна ни покрывки («Сотрудник с массой, или свинство по профессиональной линии!» Гудок. 24.08.1924).*

- *— Это сумасшедший! — завизжали сзади женские голоса.*

— *Выплывывайтесь вон!!!*

Пассажиры побагровел и растерянно забормотал:

— *Да нельзя мне выплунуться, я бы и рад. Обитрахуют, у меня билеты сюды.*

(«Война воды с железом». Гудок. 02.11.1924)

- *Так вот, получите, пожалуйста. Замечательное местечко. Сидеть можно, курящее, просторно и отдельно. Кульвер, проводи господина адмирала!*

Водник прочитал резолюцию, покачнулся, глаза вытаращил и сказал:

— *Большое мурси!*

Было написано:

«Выдать ему одно место в сартире второго класса до Тамбова» («Война воды с железом». Гудок. 02.11.1924)

Таким образом, при характеристике идиостиля автора-публициста можно, на наш взгляд, опираться на инвариантные признаки и вариативную составляющую. Инвариантные признаки соотносимы с жанровой моделью текста, включающей план содержания, план выражения (субъектную и речевую организацию, а также текстовые категории) и план восприятия (подтекст и иные виды имплицатур). Вариативные признаки идиостиля достаточно разнообразны и зависят от собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, и в том числе — от широко взятого контекста эпохи, в которую создавалось публицистическое произведение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Басовская, Е. Н. Стилистика и литературное редактирование / Е. Н. Басовская. — Москва : Издательство Иполлитова, 2005. — 248 с. — ISBN: 5-93856-067-5. — EDN ZWBGMQ.
2. Богин, Г. И. Речевой жанр как средство индивидуализации / Г. И. Богин // Жанры речи. — Саратов, 1997. — № 1. — С. 12–23. — EDN YNQGZH.
3. Васильева, А. Н. Газетно-публицистический стиль речи / А. Н. Васильева. — Москва : Русский язык, 1982. — 198 с.
4. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников / В. П. Григорьев. — Москва : Наука, 1983. — 225 с.
5. Жирков, Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. / Г. В. Жирков. — Москва : Аспект-Пресс, 2001. — 367 с. — ISBN: 5-7567-0145-1. — EDN TPFKPF.
6. Золян, С. Т. От описания идиолекта к грамматике идиостиля (на материале поэзии Л. Мартынова) / С. Т. Золян // Язык русской поэзии XX века. — Москва : Ин-т русского языка АН СССР, 1989. — С. 238–259.
7. Какорина, Е. В. Новизна и стандарт в языке современной газеты (Особенности использования стререотипов) / Е. В. Какорина // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — Москва : Наука, 1996. — ISBN 5-02-011248-8.
8. Коньков, В. И. Стилиобразующая концепция в средствах массовой информации / В. И. Коньков, А. Н. Потсар // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. — Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. ун-т, 2007. — С. 18–20. — ISBN 978-5-288-04362-8.
9. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над языковой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. — 320 с. — ISBN 5-86547-070-1.
10. Макович, Г. В. Регулярные языковые способы представления авторизованных модификаций в современном газетном дискурсе / Г. В. Макович // Языковая игра. Онтогенез речевой деятельности. Дискурсивная презентация языковой личности / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2004. — С. 194–199. — ISBN 5-7186-0017-1.
11. Мерлин, В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В. С. Мерлин. — Москва : Педагогика, 1986. — 256 с. — EDN RZYUSP.
12. Пищальникова, В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект / В. А. Пищальникова. — Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 1992. — 73 с. — EDN ZCLUKD.
13. Петелин, В. В. Год перемен и надежд. Вступит. статья / В. В. Петелин // Собр. соч. в 10 томах. Т. 2. Роковые яйца. Повести, рассказы, фельетоны, очерки, март 1924 – март 1925 / М. Булгаков. — Москва : Голос, 1995. — С. 5–40. — ISBN 5-7117-0306-4.

14. Платонова, О. В. Прагматика и риторика дискурса в периодической печати. Сфера субъекта и выражение оценки / О. В. Платонова, С. И. Виноградов // *Культура русской речи*. — Москва : НОРМА-ИНФРА, 1998. — С. 253–264. — EDN ORUMZL.
15. Руженцева, Н. Б. Авторизация дискурса СМИ: к проблеме прагматической и стилиевой свободы журналиста / Н. Б. Руженцева // *Политическая лингвистика*. — 2023. — № 2 (98). — С. 12–21. — DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_01. — EDN RBBVRR.
16. Солганик, Г. Я. Выразительные ресурсы публицистики / Г. Я. Солганик // *Поэтика публицистики*. — Москва : Изд-во МГУ, 1990. — 160 с. — ISBN 5-211-01771-4.
17. Солганик, Г. Я. О языке и стиле газеты / Г. Я. Солганик // *Язык средств массовой информации*. — Москва : Академический проект : Альма Матер, 2008а. — С. 471–478. — ISBN 978-5-8291-0991-2, 978-5-902766-64-3.
18. Солганик, Г. Я. Стилистика публицистической речи / Г. Я. Солганик // *Язык средств массовой информации*. — Москва : Академический проект : Альма Матер, 2008б. — С. 456–468. — ISBN 978-5-8291-0991-2, 978-5-902766-64-3.
19. Тарасова, И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля / И. А. Тарасова // *Языкознание*. — 2004. — № 1. — С. 86–98. — EDN ZTPBWH.
20. Тынянов, Ю. Н. *Поэтика. История литературы. Кино* / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — 574 с.
21. Тынянов, Ю. Н. Проблема изучения литературы и языка / Ю. Н. Тынянов, Р. О. Якобсон // *Новый ЛЕФ*. — 1928. — № 12. — С. 36–47.
22. Эпштейн, М. Концепты. Метаболы. О новых течениях в поэзии / М. Эпштейн // *Октябрь*. — 1988. — № 4. — С. 194–203.
- REFERENCES**
1. Basovskaya, E. N. (2005). *Stilistika i literaturnoe redaktirovanie = Stylistics and literary editing*. Moscow: Ippolitov Publishing House, 248 p. EDN ZWBGMQ.
2. Bogin, G. I. (1997). *Rechevoy zhanr kak sredstvo individualizatsii = Speech genre as a means of individualization. Genres of speech, 1*, 12–23. Saratov. EDN YNQGZH.
3. Vasilyeva, A. N. (1982). *Gazetno-publitsisticheskiy stil' rechi = Newspaper and journalistic style of speech*. Moscow: Russian language, 198 p.
4. Grigoriev, V. P. (1983). *Grammatika idiosyncrasy: V. Khlebnikov = Grammar of idiosyncrasy: V. Khlebnikov*. Moscow, 225p.
5. Zhirkov, G. V. (2001). *Istoriya tsensury v Rossii XIX–XX vv. = The history of censorship in Russia of the XIX–XX centuries*. Moscow: Aspect-Press, 367 p. ISBN: 5-7567-0145-1. EDN TPFKPF.
6. Zolyan, S. T. (1989). *От описания идиолекта к грамматике идиостиля (на материале поэзии Л. Мартынова) = From the description of idiolect to the grammar of idiosyncrasy. Russian Russian poetry of the twentieth century*, 238–259. Moscow: The language of Russian poetry of the twentieth century. Moscow: Institute of the Russian Language of the USSR Academy of Sciences.
7. Kakorina, E. V. (1996). *Novizna i standart v yazyke sovremennoy gazety (Osobennosti ispol'zovaniya stereotipov) = Novelty and standard in the language of a modern newspaper (Peculiarities of the use of stereotypes). Poetics. Stylistics. Language and Culture*. Moscow: Nauka. ISBN 5-02-011248-8.
8. Konkov, V. I., Potsar, A. N. (2007). *Stileobrazuyushchaya kontseptsiya v sredstvakh massovoy informatsii = The style-forming concept in the mass media. Russian speech in the mass media: a stylistic aspect*, 18–20. St. Petersburg: St. Petersburg State University. ISBN 978-5-288-04362-8.
9. Kostomarov, V. G. (1999). *The linguistic taste of the epoch. From observations on the language practice of the mass media*. St. Petersburg: Zlatoust, 320 p. ISBN 5-86547-070-1.
10. Makovich, G. V. (2004). *Regulyarnye yazykovye sposoby predstavleniya avtorizovannykh modifikatsiy v sovremennom gazetnom diskurse = Regular linguistic ways of presenting authorized modifications in modern newspaper discourse. Language game. Ontogenesis of speech activity. Discursive presentation of a linguistic personality*, 194–199. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 2004. ISBN 5-7186-0017-1.
11. Merlin, V. S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti = An essay on the integral study of individuality*. Moscow: Pedagogika, 256 p. EDN RZYUSP.
12. Pischalnikova, V. A. (1992). *Problema idiosyncrasy. Psicholingvisticheskiy aspekt = The problem of idiosyncrasy. The psycholinguistic aspect*. Barnaul: Altaysk Publishing House University, 73 p. EDN ZCLUKD.
13. Petelin, V. V. (1995). *God peremen i nadezhd = The Year of changes and hopes. Introductory article. Collected works in 10 volumes of M. Bulgakov. Vol. 2*, 5–40. Moscow: Golos. ISBN 5-7117-0306-4.
14. Platonova, O. V., Vinogradov, S. I. (1998). *Pragmatika i ritorika diskursa v periodicheskoy pechati. Sfera sub'ekta i vyrazhenie otsenki = Pragmatics and rhetoric of discourse in the periodical press. The sphere of the subject and the expression of assessment. Culture of the Russian speech*, 253–264. Moscow: NORMA-INFRA. EDN ORUMZL.
15. Ruzhentseva, N. B. (2023). *Avtorizatsiya diskursa SMI: k probleme pragmaticheskoy i stilevoy svobody zhurnalista = Media discourse authorization: towards the problem of pragmatic and stylistic freedom of a journalist. Political linguistics, 2*(98), 12–21. DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_01. EDN RBBVRR.
16. Solganik, G. Ya. (1990). *Vyrazitel'nye resursy publitsistiki = Expressive resources of journalism. Poetics of journalism*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 160 p. ISBN 5-211-01771-4.
17. Solganik, G. Ya. (2008a). *O yazyke i stile gazety = About the language and style of the newspaper. The language of mass media*, 471–478. Moscow: Academic project; Alma Mater. ISBN 978-5-8291-0991-2, 978-5-902766-64-3.
18. Solganik, G. Ya. (2008b). *Stilistika publitsisticheskoy rechi = Stylistics of journalistic speech*, 456–468. *The language of mass media*, 471–478. Moscow: Academic project; Alma Mater. ISBN 978-5-8291-0991-2, 978-5-902766-64-3.
19. Tarasova, I. A. (2004). *Kategorii kognitivnoy lingvistiki v issledovanii idiosyncrasy = Categories of cognitive linguistics in the study of idiosyncrasy. Linguistics, 1*, 86–98. EDN ZTPBWH.
20. Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetika. Istoriya literatury. Kino = Poetics. The history of literature. Cinema*. Moscow: Nauka Publ., 574 p.
21. Tynyanov, Yu. N., Jakobson, R. O. (1928). *Problema izucheniya literatury i yazyka = The problem of studying literature and language. New LEF, 12*, 36–47.
22. Epstein, M. (1988). *Kontsepty. Metabolы. O novykh techeniyakh v poezii = Concepts. The metabolites. On new trends in poetry. October, 4*, 194–203.